

В. А. Иванов

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин,
НКВД и репрессии 1936–1938 гг.
М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

В ряду крупных работ, рассматривающих проблемы репрессивной политики советского государства во второй половине 1930-х гг., монография Владимира Николаевича Хаустова и Леннарта Самуэльсона занимает особое место. Плодотворные авторские интуиции и ценные находки, обнаруженные ими в процессе реконструкции периода шабашизации палачества, выделяют это исследование в число наиболее заметных произведений последних десятилетий как в России, так и за рубежом. Ученые, чьи имена хорошо известны научной общественности и читающему миру, открыто поставили и успешно разрешили один из острейших и дискуссионных вопросов о роли Сталина в руководстве органами НКВД и его личном участии в репрессиях против советских и иностранных граждан в наивысший их период 1936–1938 гг. Эта книга написана не только о границах самостоятельности Сталина и Главного управления государственной безопасности (далее — ГУГБ) НКВД СССР, но и о механизме этого взаимодействия, также не получивших достаточного освещения.

Иванов Виктор Александрович,
доктор
исторических наук,
профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
saw357@mail.ru

Рецензируемая работа появилась как нельзя кстати. Хоральная сакрализация сталинщины, господствующая в амбициозных проектах многочисленных аудиторов от истории, в наши дни упивающихся апологетическим сладострастием вокруг «мощи и харизмы» Сталина и нарочито не замечающих свинцовой мерзости советского тоталитаризма и его современной архаики, своим острием направлено на ревизию смертоносной сталинской деспотии. И хотя авторы не ставят своей целью сорвать карнавальное шествие травестийных масок, они лишь предупреждают читателя быть предельно осторожным к восприятию сталинизма как мессианства, учитывая его интеллектуальную невменяемость, как и мифологизированность идеологии социальной исключительности советского челове-

ка, подпитанную почти столетним «большевистско-дерьмократическим» растлением, затемнением рассудка и непрерывной ложью. Нетрудно заметить, как интеллектуальный и технический аппарат интерпретации свидетельств перестал быть «собственностью» только профессиональных историков. Осмыслить и овладеть им стремятся и рядовые читатели. В нашем случае без него невозможно понять всю рецептуру производства палачей и фальсификаторов в сталинскую эпоху. Императивное для каждого историка правило воздержания от окончательных суждений, в том числе и в жанре исторического анализа, как представляется, будет сполна нарушено пытливым отечественным и зарубежным читателем.

Нельзя не отметить фундаментальность исследования, проведенного В. Хаустовым и Л. Самуэльсоном, проявляющуюся при рассмотрении каждой выделенной в книге проблемы. Так, например, историографический обзор, определенный для изучения темы, является одновременно и глубоким историко-научным анализом конкретного участия Сталина в развертывании массовых репрессий в 1936–1938 гг. (С. 8–25). Отдавая должное своим многочисленным и именитым предшественникам (отечественным и зарубежным), авторы монографии, тем не менее, крайне осторожны в обращении с так называемым «антропологическим поворотом» в историческом исследовании, переносящим акцент в исследовании субъект-объектных отношений (И. В. Сталин, Н. И. Ежов, Л. П. Берия и др. — НКВД, НКГБ и т. п.) с объекта на субъект как главное действующее лицо. При этом авторы выдвигают важное общее соображение — исследовать не «дурную бесконечность воли к власти во имя власти» (Ф. Степун), а всю систему, генерирующую страх и насилие, ее элементы в «технологическом» и «человеческом» измерениях. Таким образом, Сталин воспринимается одновременно как контекст «тысячи сталиных», как элемент системы им же созданной, а его практика — как обрядовый ритуал культовой демонизации социальной исключительности ничтожества. Перед нами пигмей, кликушествующий себя левиафаном, на деле порожденный психопатической шизоидной плазмой (экзальтикой) масс, «нагретой» депопуляционным синдромом нации и бешеным «выгоранием» остатков терпимости ее носителей.

Описанию леденящей сознание чудовищной лаборатории палачества, многочисленных деталей сталинской рецептуры социального «врачевания» российского общества во второй половине 1930-х гг. посвящена первая глава монографии. В. Хаустов и Л. Самуэльсон основательно исследовали сам момент перехода от репрессивной политики вообще, к массовому террору в частности. Чрезвычайно важно, что авторы не играют в понятия «неустановленные личности» (имеются в виду организаторы террора и палачи. — *В. И.*), которых сервилисты сталинизма журят лишь за «превышение должностных полномочий», а называют их. Лукавым от истории невдомек, что превышать должностные полномочия может только конкретное должностное лицо, каковым, безусловно, был сам Сталин.

Фактически, предпринятое В. Хаустовым и Л. Самуэльсоном историческое исследование формулирует одну из сложнейших задач по распознаванию причинных обусловленностей включения пускового механизма массовых репрессий в 1936–1938 гг., и успешно ее разреша-

ет. При этом тщательному анализу подвергается, прежде всего, излюбленный тезис Сталина о внешней угрозе советскому государству в этот период и подрывной диверсионной активности против него.

Опираясь на различные источники, авторы монографии делают вывод о том, что накануне «большого террора» непосредственной угрозы нападения на СССР не существовало, но в то же время, оставались потенциальные военно-политические опасности (С. 37). Это заключение чрезвычайно важно для понимания спекулятивного характера всех сталинских обвинений, в том числе российской эмиграции, иностранных политэмигрантов и спецслужб иностранных государств, подрывной деятельности которых, по оценке авторов, противостояла надежная система контрмер (С. 326). Они утверждают также, что в СССР к 1930-м гг. сформировались устойчивые стереотипы в отношении иностранцев как потенциальных агентов спецслужб и объясняют, почему с начала 1936 г. выдача разрешений на въезд в СССР всем иностранцам, в том числе и политэмигрантам, возлагалась на ГУГБ НКВД СССР (С. 54). Другими словами, в стране к началу широкомасштабного террора был полностью отрегулирован механизм учета всего «иностранного элемента», к тому же, находящегося под постоянным наблюдением и контролем органов НКВД.

Авторы обращают внимание на истинные причины истребительной акции органов госбезопасности по поиску «врагов партии» в рядах ВКП(б), санкционированной лично Сталиным. Именно с небывалого ранее тесного сотрудничества структур ГУГБ и партийных органов в центре и на местах в спецпроверке всех членов ВКП(б) в целях выявления и ареста сторонников оппозиции начинается очередной этап персонального участия Сталина в руководстве репрессивным методом. И хотя массовой операции по выселению бывших членов ВКП(б) так и не было проведено, как утверждают В. Хаустов и Л. Самуэльсон (С. 61–62), тем не менее, «партийная репрессия» сполна подготовила базу для репрессий в особом порядке в последующий период. Вполне уместны также приведенные ими аргументы в подтверждение господствующих и сегодня тезисов об управляемом характере репрессий и системной генерации все новых и новых объектов массовых репрессий. Несмотря на то, что в исследовании авторы уклоняются от определения признаков различных категорий «населения, потенциально опасных для советского государства» (так называемых «социально-чуждых», «социально-опасных», «социально-вредных» и т. п.), все же, вывод о том, что все эти «опасные элементы» общества всегда были объектами деятельности органов госбезопасности, оказался абсолютно верен (С. 69). Опираясь на ранее не знакомые многим исследователям материалы из фондов Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности, авторы беспощадно свидетельствуют против того, как уже с весны 1937 г. все провалы в экономическом строительстве стали сводится к «вредительской деятельности, а сам Сталин и его подручные предпочитали усиливать репрессии в экономической сфере, считая их самым эффективным средством укрепления экономики страны» (С. 70–79).

Пожалуй, можно согласиться с многочисленными устными оценками читателей данной книги, что ее некая «кизюминка» состоит в использовании солидного корпуса таких «стратегических» источников о природе, содержании и направленности которых не было известно даже узким специалистам. Несомненно, это обстоятельство позволило В. Хаустову и Л. Самуэльсону доходчиво и убедительно объяснить всю схематику процедуры «материализации» репрессивных идей. Иногда это были такие «мелочи», которые только сейчас сделали возможным полное понимание произошедшего в 1936–1938 гг. В этом плане бесконечно ценными кажутся именно новые реконструкции того, как в будущем жертвы массовых репрессий властями определились так называемые антисоветчики, как произошла каннибализация номенклатурных кадров и было подготовлено «устрашение» армии и др. Интересен также процесс препарирования определения «антисоветчики» через ими же протоколируемую «дискредитацию руководства партии» (С. 81), и вполне убедительно звучит вывод о подлинных причинах недовольства политикой партии и ее верхушкой (С. 83). Между тем, такое понятие, как «антипартийная контрреволюция» (С. 85), так и не получило авторской интерпретации. Зато читатель сполна сможет погрузиться в абсолютно новые сюжеты с участием органов ГУГБ НКВД СССР в подготовке и проведении второго московского процесса (январь 1937 г.) (С. 98), компрометации, ареста и ликвидации крупных хозяйственных руководителей страны, партийных и советских кадров накануне тотальной репрессии в вооруженных силах. Авторы высказывают предположение о том, что Сталин после августа 1936 г., скорее всего, ставил задачу полного уничтожения всех тех, кто проявлял критическое отношение к его политике (С. 105).

Работе В. Хаустова и Л. Самуэльсона свойственна панорамность изображения процесса так называемой Большой репрессии с одновременной кластеризацией архаики и истерии, мазохистской общественной практики и возжелания «очистительного» террора, возмездия и инквизитора. Уклоняясь от типичного для части исследователей наивно-реалистического истолкования причин, процесса и итогов массовых репрессий в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и роли Сталина в этой метафизике насилия, авторы оказались в числе немногих, кто пытается произвести военно-политические замеры последствий неправовой репрессии. Они, в частности, утверждают, что началом масштабных репрессий в армии стали аресты в марте 1937 г. в Уральском военном округе, а после тщательного анализа новых архивных материалов пришли к заключению об отсутствии вообще какого бы то ни было заговора военных (С. 115). Рефреном звучит обвинение в адрес Сталина о непоправимом ущербе, нанесенном им военной разведке Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Ничего удивительного в этом нет потому, что Сталин и его сообщники обладали врожденным патологическим дарованием совершать деяния, создающие в долгосрочной перспективе тяжелейшие, непоправимые проблемы. Авторы монографии специально выделяют самостоятельный подраздел в своем исследовании, где пытаются понять причину избрания Сталиным НКВД СССР главным инструментом скорых репрессий. Как великолепно по своей

репрессивной поэтике виртуозность Сталина в придушении, примучивании органов ГУГБ, подготовке и натаскивании их на «государственно-общественную дичь»! Поэтому ничего сенсационного нет в рассуждениях наших исследователей о причинах остановки репрессий в органах ГУГБ НКВД СССР накануне «большой резни». Попросту, произошло утыкание в проблему «механизации» будущей «чистки» и гигантской конвейеризации массового убийства советского общества (С. 128). С кем «работать», если «замочить» и сильно деморализовать чекистские кадры? К тому же, еще в конце апреля 1937 г. «главный заговорщик» в НКВД — Г. Ягода — и так назвал все имена своих «ягодинцев», которых довольно быстро, как и самого бывшего наркома, отправили в расход. Описание расправы над НКВД как государственным учреждением, органом безопасности и правопорядка, историю которой авторы рассказывают беспристрастно, с леденящими сознание подробностями, свидетельствует только об одном — органы госбезопасности не могли являться непосредственными инициаторами террора в стране. Из представленных фактов видно, что ключевые, принципиальные решения по репрессированию различных категорий советского общества в этот период принимало Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталин.

О том, что это действительно так, а также о том, как сложилось тесное единство в осуществлении репрессивных акций партийных и карательных органов, как в Политбюро ЦК ВКП(б) принимались решения о направлениях и масштабах действий органов госбезопасности, совершались структурные и кадровые перестановки в ГУГБ, рассказывается во второй главе данной монографии. Следует отметить, что эта ее часть особенно ценна, прежде всего, своей документальностью, детализацией основных направлений массовых репрессий во второй половине 1930-х гг.

Одним из таких направлений стал разгром советской номенклатуры, начавшийся после июньского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), когда роль «режиссера» этого «очистительного процесса» взял на себя Н. Ежов. Разумеется, с подачи Сталина. Исследователи не исключают того обстоятельства, что Ежов умышленно втягивал последнего в участие в репрессиях против номенклатуры, постоянно поставляя ему протоколы допросов различных оппозиционеров, которые Сталин правил, задавая траекторию движения следствию и обвинению.

Не Ежов кукловодил Сталиным, а наоборот, хотя «плюгавый карлик» (выражение заключенных ГУЛАГа о Н. Ежове. — *В. И.*) куражился перед наркомками, демонстрируя им свое всеисилие. Совершенно очевидно, отмечают В. Хаустов и Л. Самуэльсон, что Сталин дал указание Ежову вести поиски оппозиционеров в высших эшелонах власти (С. 133), представив их как злейших врагов партии и государства. Авторы делают вывод о том, что уже к началу массового разгрома номенклатуры у Сталина практически на каждого крупного руководителя имелись компроматериалы об их связях с оппозиционерами (С. 139). В этой части монографии сталинское чиновничество действительно представлено как замкнутая и надменная каста, раболепствующая, тупая и жадная. Из книги видно, что практически на всех репрессированных крупных чиновниках

лежит кровь невинных людей. Возможно, поэтому Сталину приписывают выражение о том, что «Вспоминать о жертвах не надо, ибо они одним миром мазаны...»

Благодаря тщательной обработке архивных документов, авторы с беспощадной честностью осуществляют репрезентацию многочисленных эпизодов личного палачества Сталина. Фактически, он был никем и ничем не ограничен, оставляя на различных документах свои пометы, кого из номенклатурщиков, следует «арестовать» (С. 139, 147, 149, 154, 165, 175 и др.), кого «расстрелять» (С. 275 и др.), кого «взять на учет» (С. 279 и др.), «избить» (С. 287 и др.) и т. п. Практически сразу после арестов наркомов, начальников главных управлений и прочих должностных лиц появлялись факты, компрометирующие большинство других руководителей. В. Хаустов и Л. Самуэльсон утверждают, что в этих условиях для органов НКВД важным было выявить не столько критическое отношение партийной и хозяйственной номенклатуры к политике Сталина, сколько то, что «высший руководящий состав страны» оказался для органов госбезопасности «широким полем для развертывания репрессий по различным направлениям» (С. 168). Отдавая распоряжения Ежову о репрессировании номенклатурных работников, Сталин даже формально перестал придерживаться установленного им же порядка согласования арестов с секретарями областных и краевых парторганизаций (С. 179). Любопытны упоминания авторов о причастности «вождя» к расправам над номенклатурщиками, роскошествующими в обстановке нищенского существования основных масс населения страны, к сожалению, не очень подробные, хотя чрезвычайно интересные.

Как тяжелейшее государственное преступление следует рассматривать санкционированные сталинской верхушкой репрессии высшего военного руководства Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Разумеется, исследователи не стали заниматься «перепевами» уже известных мифов о «военном заговоре», «руке Гитлера» и т. п. Репрессии в Красной Армии рассматриваются В. Хаустовым и Л. Самуэльсоном в системном режиме, как неотвратимое следствие гигантского «перетряхивания» всего государственного механизма и общества.

Поразительна изобретательность карательных органов при конструировании ими так называемой «силовой составляющей» якобы готовящегося армейской верхушкой «государственного переворота». Каких только названий контрреволюционных организаций в армии они ни придумали! Здесь и «Польская организация войсковая» (С. 41), и «Антисоветская троцкистско-диверсионная организация» (С. 165), и «Временное центральное Сибирское правительство» (С. 202), и мн. др. Из монографии видно, как ловко манипулировал Сталин и исполнители его повелений в НКВД объективной информацией из военных округов, организаций и учреждений о недостатках и упущениях, обыденных происшествиях и воинских проступках.

Авторы монографии последовательны, когда прямо изобличают нарочито возвеличенную тогда и сейчас роль законности в советском государстве, а также деятельность специальных государственных органов, ее поддерживающих. Совершенно нетрудно обнаружить за всем этим скрытую иронию, иначе это суждение ошибочно, особенно когда речь идет о системе НКВД. Ин-

интересно, когда же в нашем тоталитарном прошлом (В. Шляпентох) бывало такое, чтобы власть ограничивала себя законами, ею самой для себя написанными? Специальный подраздел «НКВД в период массовых репрессий» задает дискуссионность этой проблеме. Она не настолько разработана в отечественной историографии, как это может показаться на первый взгляд. Это, в частности, отмечают В. Хаустов и Л. Самуэльсон, когда рассуждают о сопротивлении сотрудников НКВД массовым репрессиям (С. 238–240). Они подробно проанализировали весь процесс «механизации» репрессивной деятельности органов ГУГБ в центре и на местах, показали сущность принципа «кланово-ведомственной мести» в их повседневной репрессивной практике, личное руководство Сталиным органами НКВД и его последствия. Важным и уместным оказался исследовательский эпизод численности репрессированных чекистов, отчаянно дискутируемый в отечественной и зарубежной литературе (С. 258).

Авторы обращают внимание и на некоторые малоизвестные детали широко освещаемых в научной дискуссии операций против кулаков, антисоветских элементов (С. 260–286) и представителей «инонациональностей» (С. 286–304), подчеркивая при этом аспект личного участия Сталина в раскручивании репрессий по этим линиям, а также роль органов НКВД в их проведении. Здесь важным оказалось то обстоятельство, что, в отличие от дел по высшим номенклатурным работникам, материалы которых Сталин детально изучал, массовые операции по «кулакам» и «инонациональностям» были доверены партийным руководителям и органам НКВД на местах. Этот жест «вождя» был воспринят многими из них как исключительное доверие.

Содержание монографии завершает приложение, в котором опубликованы весьма ценные архивные документы, проливающие свет на некоторые аспекты взаимодействия Сталина и руководства НКВД, ранее не известные даже специалистам по истории политических репрессий в СССР в 1930-е гг.

Можно с полной уверенностью заявить о том, что эти материалы в полной мере изобличают репрессивную политику советского государства во второй половине 1930-х гг. и ее непосредственных организаторов и исполнителей.

Как известно, судьба каждого произведения, в частности, и этой книги, зависит от читательских пристрастий, от ее востребованности специалистами. С момента выхода данной монографии Владимира Николаевича Хаустова и Леннарта Самуэльсона в читательское пространство и до появления этой рецензии прошло два года, которые позволили зафиксировать неподдельный интерес к ее содержанию как широкой читательской аудитории, так и специалистов в России и за рубежом.